

УДК 811.111'42

**ДИСКУРС КАК ФАНТОМНЫЙ ОБЪЕКТ:
 ОТ ТЕКСТА К ДИСКУРСУ И ОБРАТНО?***
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

Был этот мир глубокой тьмой окутан.
 Да будет свет! И вот явился Ньютон.
 Но сатана недолго ждал реванша.

Пришел Эйнштейн – и стало все как раньше.
 С.Я. Маршак

В.Е. Чернявская. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? Статья рассматривает эвристический потенциал категории “дискурс” как особого объекта лингвистического анализа в современной парадигме гуманитарного знания. Многозначность интерпретаций и подходов к этому понятию делает его во многом эклектичным, размытым в своих границах. Автор статьи, обращаясь к различным национально специфическим традициям изучения категории дискурса, анализирует его в связи с другими традиционно сложившимися в российской школе функциональной лингвистики базовыми категориями, такими как функциональный стиль и жанровая форма. Показываются принципиальные различия и методологическое сходство в оперировании понятием “функциональный стиль”, с одной стороны, и дискурс, с другой и, в целом, между функционально ориентированной лингвистикой, с одной стороны и т.н. дискурс-анализом, с другой.

Ключевые слова: дискурс, текст, стиль, жанр, функциональная лингвистика

В.Є. Чернявська. Дискурс як фантомний об'єкт: від тексту до дискурсу й назад? Стаття розглядає евристичний потенціал категорії “дискурс” як особливого об'єкта лінгвістичного аналізу в сучасній парадигмі гуманітарного знання. Багатозначність інтерпретацій і підходів до цього поняття робить його багато в чому еклектичним, розмитим в своїх межах. Авторка статті, звертаючись до різних національно специфічних традицій вивчення категорії дискурсу, аналізує його у зв'язку з іншими базовими категоріями, що традиційно склалися в російській школі, такими як функціональний стиль та жанрова форма. Демонструються принципи відмінності й методична спільність в оперуванні

поняттям “функциональный стиль”, з одного боку, дискурс, з іншого, та в цілому, між функціонально орієнтованою лінгвістикою, з одного боку, й так званім дискурс-аналізом, з іншого.

Ключові слова: дискурс, текст, стиль, жанр, функціональна лінгвістика.

Valeria Tcherniavskaia. Discourse as phantom object: from text to discourse and back? This article addresses the issue of the heuristic potential of the category of discourse viewed as a specific object of linguistic analysis in present-day paradigm of the humanities. Multiple interpretations and approaches to the notion make it fuzzy and eclectic. In terms of various traditions of discourse analysis the author of the article looks into it as referenced to other basic categories such as the functional style and genre which have been traditionally used in Russian school of functional linguistics. The article focuses on the fundamental differences and methodological similarity in using the notion of the functional style compared to that of discourse and, more generally, on the differences between functional linguistics and the so-called discourse analysis.

Key words: discourse, text, style, genre, functional linguistics.

Как известно любому исследователю в широком блоке гуманитарного знания, сегодня рассуждения о дискурсе стали общим местом в публикациях последних десятилетий. При этом нельзя не отметить очевидную динамику в использовании этого термина, динамику, к сожалению, в большей мере отрицательную, нежели позитивную. Дискурс проделал эволюцию от воспринимаемого как новое до эклектичного, размытого в своих границах понятия, которое используется лишь как модная этикетка для мозаичных, часто плохо структурированных исследовательских подходов. Такое положение, если отвлечься от крайних оценок, в определенном смысле объяснимо и отчасти оправдано характером гуманитарного знания вообще и языковедческих исследований, в частности. В этом смысле безусловно верным представляется мнение С.Т. Золяна, высказанное им в аналитической статье 2009 года: “В гуманитарных науках, где особо сильна терминологическая инерция и словарь описания не подлежит радикальному изменению, с особой наглядностью проявляется то, что меняется не столько концептуальный аппарат, сколько стиль оперирования базовыми концептами. Может сложиться ситуация, что от самого концептуального аппарата остается только набор этикеток: означающие могут оставаться прежними, но им либо уже ничего не соответствует, либо же они отсылают к новым концептам, которые незаметно вытеснили прежние. ... В этом процессе возникают новые понятия, которые, не находя себе подходящего места, занимают чужую знаковую оболочку” [Золян: 13].

Да, гуманитарная наука развивается как принципиально диалогичная, плюралистичная, допускающая сосуществование различных, даже взаимопротиворечащих точек зрения – при том, однако, обязательном условии, что эти точки зрения внутренне непротиворечивы и последовательны. Т.н. дискурсивная парадигма демонстрирует, к сожалению, многочисленные

примеры обратного, а именно, поверхностного, некритичного обращения с категориальными понятиями, что естественно порождает базовые вопросы со стороны специалистов. Присоединюсь к одному из таких вопросов, заданному профессором С.Т. Золяном в упомянутой статье “Язык и дискурс: что нового в “новой” дискурсивной парадигме?” и считаю возможным высказать собственную точку зрения.

Дискурс повторяет судьбу многих других понятий, включенных в свое время в активный научный оборот как несущие значительный эвристический потенциал, например, интертекстуальность. В результате безудержного некритичного использования внешней оболочки этого термина по отношению к самому разному, в т.ч. поверхностно объединенному кругу явлений, создался эффект девальвации термина: теперь интертекстуальность, как и дискурс – “это наше все”. А в итоге возникает, точнее, уже давно возникла опасность циркуляции определений по замкнутому кругу, эрзац-замена одних вполне сложившихся понятий другими – модными и квазиэвристическими. Возвращаясь к актуальной проблеме дискурса, обозначенного в заглавии статьи как “фантомный объект” лингвистического анализа, я хочу поставить целью свои рассуждения на вопрос о том, в чем действительно заключается методологический и методический потенциал дискурсивного анализа и где дискурс становится фантомообразным объектом.

Последнее суждение в значительной мере порождается знакомством именно с российскими публикациями и/или разработками, возникшими на основе советской научной школы функциональной стилистики, интерпретации текста и теории перевода. Здесь мои оценки базируются на знакомстве с исследованиями последних двух десятилетий ведущих университетских центров России, Украины, Белоруссии, Армении. Сделанный на “генетической общности проблемы” акцент представляется существенным потому, что в определенный период фундаментальные разработки в русскоязычном пространстве идей (и публикаций) пришли в соприкосновение с потоком англо-, франко-, немецкоязычных публикаций. Глобализация и вместе с ней “глобанглизация” политического и экономического пространства привела к такой же глобализации и глобанглизации наших языковедческих (в широком смысле этого слова) исследований. В научный оборот вошел термин “дискурс, дискурсивный анализ”, который наложился на существовавшие в отечественных школах научные теории, концепции etc. По сути, новая этикетка соединилась с далеко не новым содержанием применительно к русскоязычным традициям анализа текста/связной речи. Это во-первых. Во-вторых же, из-за некритичного использования термина дискурс как кальки происходит недопустимое смешение самостоятельных теорий, стоящих за самим понятием дискурс в различных национальных традициях.

Специалисты знают, что исследования дискурса как особой категории сложились в различных независимо существующих и развивающихся национальных школах. При изучении феномена дискурса ключевое значение

имеет научная традиция. Так, выделяются французская традиция анализа дискурса, связанная, в основном, с М. Фуко, Л. Альтюссером, Ж. Ж. Лаканом, М. Пешё, П. Серио – традиция, в первую очередь, политико-идеологического, исторического и социокультурного анализа дискурса. Она наиболее автономна в своем подходе и несовместима с лингвистическими принципами анализа. Отдельно развивалась немецко-австрийская школа анализа дискурса, применившая традиционные методы и принципы текстового анализа письменного текста к категории дискурса. Выделяется как самостоятельная англо-американская лингвистическая традиция анализа связной речи (*connected speech*), когда дискурсивный анализ направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего, т.н. “дискурс по ван Дайку”. Детальные и принципиальные отличия различных концепций рассмотрены в работах Чернявская 2006, 2009, во всяком случае, заинтересованный читатель найдет ключевую информацию и базовые ответы на почему-то не прекращающиеся вопросы о том, где начинается дискурс и кончается текст, “куда правильно ставить ударение в слове дискурс: на первый или на последний слог” и т.п. Правильный ответ даст знакомство с основами!

В целом, для современной ситуации дискурсно ориентированных исследований, например, в немецкой германистике характерна совершенно отчетливая *тенденция отграничивать понимание дискурса в философии и социологии* по М. Фуко, Ю. Хабермасу и др., и *лингвистические подходы к дискурсу*. Последние ограничиваются таким кругом исследовательских вопросов, как:

- анализ дискурса как связной речи (*connected speech, Konversationanalyse*),
- макросемантический и глубинносемантический анализ текстов,
- анализ дискурса как институционализированного языкового коррелята общественной практики,
- анализ дискурса как содержательно-смысловой совокупности текстов, в том числе объединяемых в единый дискурс ретроспективно.

Своего рода линия демаркации лингвистического и нелингвистического подходов к дискурсу задается вопросом “сколько от Фуко заключено в данном дискурсивно ориентированном подходе?”. Если “Фуко”, т.е. “социологии” слишком много, этот подход отмежевывается от собственно лингвистической науки. Именно такие акценты в современной интерпретации прозвучали на XXI Всемирном конгрессе германистов, проходившем в 2010 г. в Варшаве. Одновременно с этим отчетливо был сделан акцент на *ренессансе функциональной лингвистики* в современных языковедческих разработках. Для такого подхода к дискурсивному анализу существенно то, что он остается, в целом, в русле традиционного анализа текста и предполагает работу с текстом (от которого значительно, если не сказать, вовсе, отходят социологические и психоаналитические модели дискурса). Начальным этапом в дискурсивном анализе всегда является уровень конкретной языковой реализации

дискурсивного содержания, т.е. уровень текста. Его лингвистическая интерпретация осуществляется в русле традиционного стилистического анализа, когда устанавливается коммуникативная функция текста, его коммуникативные центры, выявляется, что сообщается в тексте, кому адресовано сообщение, как актуализируется в текстовой ткани адресат, каковы стратегии тематического развертывания, обеспечивающие связь отдельных высказываний между собой и их тематическую прогрессию, как актуализируются определенные сегменты знания и т.п. Собственно дискурсивный анализ начинается с проецирования на элементы содержательно-смысловой и композиционно-речевой организации текста психологических, политических, национально-культурных, прагматических и др. факторов. На этом этапе проникновение в глубинную структуру текста, т.е. в заключенный в нем смысл, осуществляется через обращение к специфическому социально-историческому контексту. В дискурсивном анализе ключевой вопрос ставится так: почему определенная дискурсивная формация связана с такими, а не с другими формами высказывания? Почему в определенных условиях те или иные слова и понятия начинают играть центральную роль? Иначе говоря, уровень дискурсивного анализа начинается там и тогда, когда исследователь задается вопросом, какие условия (эпистемического рода) позволили отправителю сообщения связать с этими словами этот смысл. Последовательно проведенный анализ по заданному так алгоритму снимает и, в общем, давно снял ответ на вопрос, где кончается текст и начинается дискурс. Выражаясь еще более определенно, в современных зарубежных исследованиях этот вопрос давно уже не ставится.

В российском пространстве оперирование термином дискурс отличается особой мозаичностью в силу иных обстоятельств: он наложился на ту систему координат и понятий, которые традиционно изучались в функционально-стилистическом формате. Если оставить за скобками многообразные по внешней форме определения дискурса, циркулирующие в потоке публикаций, на первый план выходит основной принцип дискурсивного анализа, а именно, соединение в анализе собственно языкового с внешними по отношению к языку факторами, соединение внутритекстовых правил и регулярностей комбинации языковых средств с вокруг- и надтекстовым фоном, сопровождающим процесс порождения конкретного высказывания. Формулируя кратко, дискурс задает особое распределение внимания между результатом и процессом порождения высказывания. При этом внимание к этим феноменам в речеведении для отечественной науки далеко не ново. Напротив, они традиционно и последовательно выделялись в школе функциональной стилистики, что можно видеть в многочисленных публикациях с конца 1960-х гг. и по настоящее время В.В. Виноградова, Э.Г. Ризель, Е.И. Шендельс, М.Н. Кожиной, А.Н. Васильевой, Т.Г. Винокур и многих других отечественных ученых. Русская функциональная стилистика традиционно постулировала необходимость изучения высказывания/текста в коммуникативно-

деятельностном аспекте. Отличительной чертой этого направления исследований всегда было внимание к функционированию языка в реальных актах речевого общения. Стилистико-речевая системность описывается как зависимость от экстралингвистических факторов – сферы общения, вида деятельности, целей и задач общения и т.д. С начала двухтысячных годов появился целый ряд публикаций, обобщающих основные итоги и векторы развития функциональной стилистики в российском пространстве (см., напр., [Кожина; Котюрова; СЭСР]. Специалист может только выразить удивление по поводу безудержных неофильских оценок и настроений, объявивших дискурс и дискурсивный анализ “новым исследовательским объектом”. Во многом это тот случай, когда новое название стало монтироваться с уже известным содержанием, создавая для не критичного ума эффект квазиновизны. Повторяя С.Т. Золяна, “в случае дискурса возникает не новый и не особый лингвистический объект, а новый ракурс изучения языка. Изменяется не сам объект описания, а модус описания – это не язык в себе и для себя, а язык в его соотнесенности с речью” [Золян: 14].

Ложный пафос новизны при оперировании термином дискурс приводит часто к тому, что “дискурс” используется параллельно или вместо “функциональный стиль” или “жанровая форма”. Так, в потоке исследовательских подходов часто невозможно определить разницу между понятиями научный стиль/научный дискурс; публицистический стиль СМИ/публицистический дискурс СМИ и т.д., учитывающуюся – и учитывающуюся ли вообще? – авторами. Часто приходится читать публикации, в которых говорится по сути о функциональном стиле и об анализе текста под этикеткой дискурс-анализа. Впечатление об эклектичности только усиливается от того, что в не критичных подходах социологическая и историческая традиция дискурсивного анализа смешивается с базовыми лингвистическими принципами и подходами.

При этом считаю необходимым подчеркнуть, что *дискурс как лингвистическая категория имеет безусловный эвристический потенциал* в практике анализа связной речи/текстов. Эвристически значимым и действительно новым, однако, выступает, с моей точки зрения, не акцент на динамичности и процессуальности, который, повторю, был органичным для традиций функциональной лингвистики четыре десятилетия назад. Новизна, приносимая категорией дискурс, связывается скорее с акцентом на его изучении как совокупности многих отдельных текстов, уже существующих и потенциально возможных. Преимущество дискурса как единицы операционального анализа заключается в том, что он позволяет от текста как относительно законченной, формально ограниченной сущности, построенной по своим внутритекстовым законам, идти к другим текстам. Здесь дискурс подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность отдельных высказываний/текстов. Содержание дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов.

В свою очередь, это заставляет по-новому взглянуть на критерий текстуальности и понимание текста не как (относительно) законченной единицы, но как открытой в метатекстовое пространство сущности (см. подр.: [Чернявская: 172-175]).

Категория дискурса предлагает исследователю особый, отличный от действующего в функциональной стилистике, принцип разделения коммуникативных сфер и коррелирующих с ними речевых систем.

Традиционные функциональные стили выделяются в соответствии с основными формами человеческого сознания, с типовыми и социально-значимыми сферами общения и деятельности, понимаемыми как масштабные, глобальные сегменты общечеловеческой практики. На современном этапе говорят о художественном, научном, официально-деловом, разговорном, публицистическом, религиозном стилях как о речевых разновидностях, соответствующих той или иной социально значимой сфере общения и деятельности и соотнесенных с определенной **формой сознания**.

В практике исследования различных типов дискурса (или дискурсивных формаций, в терминологии ряда исследователей) имеет место разделение общей сферы на более дробные сегменты. Главное и принципиальное *отличие* от традиций функциональной стилистики следует усматривать в том, что тот или иной “участок” коммуникации, с которым коррелирует дискурс и который определяет особую системность и упорядоченность языковых единиц и правил их употребления в отдельных высказываниях/текстах как фрагментах одного дискурса, рассматривается как *эвристическая величина*, т. е. устанавливается опытным путем. Опытным путем и эвристично – это не значит произвольно, волюнтаристски сравнивая “шаровары Ивана Ивановича с нравом Ивана Никифоровича”. Путь выделения этой единицы – это так называемый путь “снизу вверх”, от конкретно наблюдаемых, повторяющихся, типизирующихся коммуникативных сфер и ситуаций. Исследователи говорят, например, о дискурсе микробиологии, о медицинском дискурсе, политическом дискурсе, дискурсе фашизма, коммунизма и др. При этом в качестве эмпирической основы изучения дискурса того или иного типа берутся тексты, объединяющиеся на основе содержательно-смысловых и интенциональных критериев. Это содержательно-тематическое сходство должно быть объективно наблюдаемо и интерпретируемо, а не произвольно конструируемо. Говоря о подвижности и гибкости границ в рамках одного дискурса, мы не будем иметь в виду ситуацию описанную в старом анекдоте:

Заказчик просит художника написать его портрет, тот соглашается и просит за работу сто долларов. В назначенный час заказчик приходит и видит на холсте непонятное нагромождение линий и мазков. “Неужели это я?”. “Да, это Вы, я так вижу”, – отвечает художник, – “Давайте сто долларов”. Заказчик протягивает бумажный рубль: “Вот сто долларов, я так вижу”.

Рамки дискурс-анализа не устанавливаются, во всяком случае, не должны устанавливаться по принципу “я так вижу”. В зависимости от коммуникативно-

прагматических и когнитивных целей *границы дискурса могут устанавливаться по-разному, гибко, подвижно*, относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других объективно существующих параметров. Определение дискурсивного корпуса, т. е. того, какие тексты входят в рамки данной тематической общности, базируется на понимании и толковании текстов. Его предпосылкой является интерпретирующая деятельность исследователя, выявляющего и аргументирующего общие содержательно-тематические отношения между текстами одного дискурса. Дискурс – это совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется (!) как языковой коррелят определенной социально-культурной практики.

Одновременно с этими утверждениями следует избегать попыток объявить о полной совместимости категорий “функциональный стиль” и дискурс, “функциональная стилистика” и “дискурсивный анализ”.

Общим является методологический принцип, лежащий в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов, а именно, анализ языковой специфики в ее экстраязыковой детерминированности, учет внешнего текстового фона как сильнодействующей основы для внутритекстовой системности.

Отличие в том, что функциональный стиль основывается на *форме общественного сознания*. Это – фундаментальный базис, фундаментальный критерий идентификации и делимитации одного функционального стиля от другого. В этом отношении перечень функциональных стилей не бесконечен, но по определению конечен. Дискурсивный анализ повторяет методологический принцип функциональной стилистики в своей ориентированности на взаимозависимость лингвистического и экстралингвистического. При этом делимитирующий критерий иной: содержательно-смысловая общность текстов, а не общность формы общественного сознания. В таком понимании *дискурсов может быть бесконечно много*, и внутри научного дискурса, например, выделимы дискурс химии, дискурс органической химии, дискурс генетики, дискурс лысенковщины в генетике и т.п. в зависимости от интерпретативной деятельности субъекта, усматривающего основания для объединения уже существующих и потенциально возможных текстов в единую дискурсивную формацию. И именно с такой точки зрения дискурс способен становиться фантомным объектом, т.е. зависимым от того, что “видит или не видит” субъект познания. Дискурс – это конструируемый объект. Функциональный стиль в границах теории функциональной стилистики ориентирован на облигаторные модели языковой деятельности, он связан, в первую очередь, с формой общественного сознания и видом деятельности. Ввести в научный оборот дополнительный функциональный стиль, доказать его существование как объекта анализа – значит доказать объективность существования

коррелирующей с ним формы сознания. В этом смысле были бы неубедительны по сути такие конструкты как “функциональный стиль химии, функциональный стиль фашизма, расизма” и проч. При этом безусловно существуют отдельные дискурсивные практики фашизма, расизма, феминизма и т.д., имеющие в качестве языкового коррелята совокупность тех или иных высказываний/текстов. Последние могут образовывать своего рода горизонтальное сечение сквозь различные функциональные стили. Например, тексты, конституирующие дискурс расизма, могут возникать внутри научного стиля (ср.: евгеника в период немецкого национал-социализма), в рамках обиходно-бытового стиля как бытовое разделение на “лучших” и “худших”, в публицистическом стиле и т.д. Дискурсивных практик/дискурсов может быть бесконечно много, при этом “наделяя дискурс самостоятельным существованием, учтем, что этого существования ограничены именно дискурс-анализом” [Золян: 21]. Функциональные стили делят коммуникативное пространство на гораздо более крупные сегменты, коррелируют с базовыми – фундаментальными, онтологически заданными, формами познания и деятельности. *Функциональных стилей, по определению, не может быть бесконечно много.* Функциональный стиль и функциональная стилистика не может отрицаться современными дискурсивно-ориентированными подходами. Функциональный стиль сохраняет свою самодостаточную значимость как единица членения текстового континуума, как объект лингвистического анализа. Одновременно с этим и дискурс как особый модус описания языковой деятельности значим как единица операционального анализа, добавляющая детализацию в наши представления о коммуникативной практике.

Определенный пафос отрицания, заданный здесь в этих рассуждениях, направлен не против дискурса как особого объекта, но против эклектичности и внутренней противоречивости тех подходов к его анализу, которые порождают впечатление о фантомности самого объекта. Я протестую против наклеивания модных этикеток на сложившиеся, традиционно изучаемые явления. Присоединюсь к мнению выдающегося отечественного лингвиста И.В. Арнольд, высказанному ею в одной из последних публикаций как вывод из деятельной жизни длиной в сто (!) лет: “Сущность гуманитарной науки заключена в ее истории. ... Внимательное изучение работ А.А. Потебни даст больше для познания сути языка, чем ... очень новая книга Лакоффа” [Арнольд: 29].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Преемственность в филологическом тексте / И.В. Арнольд // Труды Института лингвистических исследований. – Том III, ч. 1. СПб.: Наука, 2007.
2. Золян С.Т. Язык и дискурс: что нового в “новой” дискурсивной парадигме? / С.Т. Золян // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб-Ереван : СПбГУЭФ, 2009.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М. : Флинта, 2010.
4. Котюрова М.П. Стилистика научной речи / М.П. Котюрова. – М. : Академия, 2010.
5. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, 2003.
6. Чернявская В.Е. Дискурс / В.Е. Чернявская // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. : Флинта, 2003.
7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М. : URSS, 2009.
9. Warnke J. Adieu Text – bienvenu Diskurs? Über Sinn und Zweck einer poststrukturalistischen Entgrenzung des Textbegriffs // Brauchen wir einen neuen Textbegriff?: Antworten auf eine Preisfrage. U. Fix (Hrsg). F/M: Peter Lang, 2002.

Валерия Евгеньевна Чернявская, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой немецкого и скандинавских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; e-mail: tcherniavskaia@rambler.ru